

Хуанфу Юйхуа был переполнен скорбью и не желал смотреть в глаза своему отцу, считая себя единственным спасением для своей матери, но он также не мог принять мир, который, как он думал, был полон лжи. Положение Хуанфу Юйхуа оказалось удивительно схожим с положением его сводного брата. В конце сценария Хуанфу Юйхуа, похоронив родителей, уговаривает Вэй Ли остаться в Школе Небесного Свода, которая, хоть и изранена, но наконец очищена от лжи кровью. Однако Вэй Ли всё же выбирает уйти.

Прожив столько испытаний, Вэй Ли говорит Хуанфу Юйхуа, что место, где царит добро, должно быть восстановлено добрыми людьми, а у него самого нет на это права. Хуанфу Юйхуа, переполненный чувствами, хочет восстановить не только Школу Небесного Свода, но и свою семью, которая никогда не была доброй.

Отложив планшет, Цюй Хайяо почувствовал, как у него дрожат руки. У него не было полного сценария, но он смог понять общую картину. Это была крайне трагичная история, в которой никто не смог избежать игры судьбы, но даже будучи игрушкой в её руках, люди продолжали бороться.

Что касается роли Хуанфу Юйхуа, то он был одновременно рабом судьбы и воином сопротивления. В сценарии у этого персонажа действительно не так много сцен, но нельзя сказать, что он не выделяется. Если сыграть его хорошо, это станет настоящей визитной карточкой, совершенно непохожей на все предыдущие роли Цюй Хайяо.

Эта мысль заставила сердце Цюй Хайяо биться сильнее. Впервые он увидел такой хороший сценарий, совершенно непохожий на те безвкусные вещи, которые он видел раньше. Настоящий хороший сценарий проявляется не только в сюжете и персонажах, но и в деталях.

Сценарий, который был у Цюй Хайяо, был тщательно продуман с точки зрения ракурсов, света, тени и даже ритма диалогов и сцен с участием множества персонажей. Это был сценарий, на сто процентов пригодный для съёмок, вероятно, написанный самим режиссёром. Цюй Хайяо глубоко вздохнул, чувствуя, что такая удача свалилась на него не просто так. Он быстро отбросил все посторонние мысли и снова открыл планшет, сосредоточившись на изучении каждой сцены.

Кинопробы с группой были назначены на следующий день после обеда, и съёмки уже были на носу, так что у Цюй Хайяо оставалось очень мало времени на подготовку. В обед он почти ничего не ел, находясь в состоянии нервного напряжения, близкого к тревоге. Его мозг был заполнен сценами из сценария, и он никак не мог успокоиться.

В этот момент Цюй Хайяо почувствовал, что вернулся в студенческие времена, когда готовился к гаокао, и перед экзаменом пытался в последний момент запомнить формулы и слова, боясь, что забудет. Линь Ци, который должен был успокаивать и быть опорой, сидел напротив Цюй Хайяо, с ладонями, покрытыми потом. Он думал, думал и решил, что лучше промолчать, чтобы не навредить.

Местом для кинопроб стал пекинский центр дистрибуции кинокомпании «Лиань». Это было многоэтажное здание неправильной формы, расположенное в промзоне. Место было далековато, но окружение было приятным. Войдя в здание, Цюй Хайяо почувствовал, что его ноги и руки двигаются несинхронно. К счастью, Линь Ци был гораздо спокойнее. Хотя внутри он тоже волновался, внешне он выглядел уверенно и вежливо общался с администратором, после чего их проводили на самый верхний этаж здания.

Там и должны были проходить кинопробы. Как только двери лифта открылись, Цюй Хайяо и

Линь Ци увидели знакомое лицо — актёра Хай Чжэня и его менеджера, которые шли в сторону лифта. Хай Чжэнь был мастером боевых искусств и с самого начала своей карьеры снимался только в кино, никогда не появляясь в сериалах. Он был старше Го Чэнчжо и всегда следовал пути актёра-бойца, но после серьёзной травмы несколько лет назад начал задумываться о смене амплуа.

Хай Чжэнь, увидев Цюй Хайяо, на мгновение замер, но, очевидно, не знал, кто это, и лишь кивнул, после чего с недоумением посмотрел на Цюй Хайяо ещё раз. Менеджер Хай Чжэня был знаком с Линь Ци, но в такой ситуации не стал заводить разговор, лишь улыбнулся, и две группы разошлись у лифта.

Как только двери лифта закрылись, Цюй Хайяо тихо спросил Линь Ци:

— Они тоже на кинопробы?

— Конечно. — Линь Ци бросил взгляд в сторону лифта. — Ты думал, что группа позовёт только тебя?

Цюй Хайяо промолчал. Он просто чувствовал некоторое недоумение. Не говоря уже о другом, внешность Хай Чжэня была совершенно непохожа на его: смуглая кожа, высокий и крепкий телосложение — этот образ сильно отличался от того, как Цюй Хайяо представлял себе Хуанфу Юйхуа. Конечно, актёр, получивший сценарий, сам создаёт образ персонажа, и если Цюй Хайяо должен был играть Хуанфу Юйхуа, то он, естественно, приносил в роль свои черты.

Но, увидев Хай Чжэня, Цюй Хайяо вдруг осознал, что существует другая возможная интерпретация роли Хуанфу Юйхуа. Этот образ больше не был единственным в его представлении, как в фильме «Начало», где мир начинает рушиться, как только герой начинает сомневаться в его реальности.

Нужно успокоиться... Цюй Хайяо глубоко вдохнул, вспоминая то состояние, в которое он погрузился во время съёмок фильма «MENU», когда Жун И буквально загонял его в угол. Это чувство, когда ты полностью сосредоточен на своём оппоненте, а весь мир вокруг словно исчезает, было очень приятным, как будто мир вдруг становился чистым.

В тот день Цюй Хайяо потратил почти весь день на то, чтобы понять, как войти в это состояние и как сохранить его. Он вспомнил слова Жун И: «Камера и коллеги — это твои соперники», «Найди камеру, а затем забудь о ней»...

Это было очень загадочно. По крайней мере, в школе учителя никогда бы так не учили, потому что студенты всё равно не поняли бы. Раньше Цюй Хайяо тоже не мог понять этого чувства, но в тот день, под давлением Жун И, он начал улавливать его, хотя и не до конца.

Как светлячок в темноте, который заставляет всё твоё тело войти в состояние поиска, и перед глазами только мерцающий свет.

Именно в этом состоянии Цюй Хайяо вошёл в комнату, где должны были проходить кинопробы. Камера была установлена в центре комнаты, всё лишнее убрали, оставив только ряд столов и стульев у стены. За ними сидели те, кто проводил кинопробы — создатели фильма, а в центре, конечно же, был режиссёр Вэнь Цзисюнь.

Режиссёр, снимавший фильмы почти тридцать лет, сразу понял, что Цюй Хайяо уже вошёл в образ. Вэнь Цзисюнь выпрямился и, не говоря лишних слов, просто вытащил карточку и велел Цюй Хайяо начинать.

Цюй Хайяо вытащил свою первую сцену — ту, где Хуанфу Юйхуа прячется в темноте и видит, как Хуанфу Дуань жестоко пытается Вэй Ли. Эта сцена была действительно сложной, возможно, самой сложной из всех сцен Хуанфу Юйхуа, потому что в ней не было ни единой реплики, и актёру нужно было играть только с помощью мимики и языка тела.

Цюй Хайяо не стал тратить время на размышления о своей «удаче». В этот момент он даже не думал о том, сложная это сцена или нет. Он закрыл глаза, и в его голове сразу же возникла сцена, которую он создал в своём воображении, изучая сценарий. Когда он открыл глаза, он уже был Хуанфу Юйхуа — испуганным, сострадательным, с растущим внутренним конфликтом наследником Школы Небесного Свода.

Хуанфу Юйхуа, сжавшийся всем телом, чтобы уменьшить своё присутствие, казался ниже, чем обычно. Его спина была слегка сгорблена, а в его взгляде читались сосредоточенность и неверие. В сцене без реквизита всё действие и развитие сюжета происходят только в голове актёра. Хуанфу Юйхуа, чуть было не обнаруженный, на мгновение выпустил испуг, а затем снова спрятал его, за долю секунды показав строгую иерархию между отцом и сыном через реакцию страха.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16304/1470717>